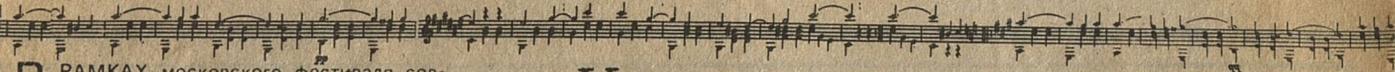

Моск. келес. 1989 - 22 мая

Красота изначально, или Как возводить ум на небо

В РАМКАХ московского фестиваля современной музыки «Альтернатива-?» прозвучала «Осенняя песня» Владимира Мартынова — произведение для двух скрипок, голоса мальчика и струнного оркестра на стихотворение А. Плещеева.

За 20 минут исполнения оркестранты «Коллегиум музикум» ни разу не перевернули нот, — а сидящих в зале не покидало ощущение, что музыка давным-давно носит нас по стране забытого детства. После концерта в полутьме за сценой я подошла к человеку, который сочинил это чудо, и спросила, как он это делает.

— Партии у исполнителей простые и периодически повторяются, полифония достигается за счет постепенного включения голосов, — ответил Владимир Мартынов.

— В прошлом году, на «Альтернативе-88» я слышала вашу «Рождественскую музыку» для детского хора, солистов, духовых, струнного оркестра и органа. Она меня потрясла, я до сих пор помню мелодию... Она для вас всегда диктуется текстом?

— В «Осенней песне» — да. С «Рождественской музыкой» было сложнее: она была написана на немецкие стихи времен Лютера, впоследствии я сделал подтекстовку на русские духовные стихи XIX века. Пошел на это только потому, что в нашей культуре есть аналоги этим текстам —

рождественские колядки, например. Вообще-то делать такие вещи, мне думается, не стоит: музыка обусловлена мелодикой речи и должна исполняться на текст оригинала: итальянскую оперу следует слушать на итальянском, Вагнера и Баха — на немецком.

— А как вы относитесь к музыке рок?

— Я занимался роком, довольно бурно. В 70-е годы с группой «Бумеранг» мы сделали рок-кантату «Серафические видения Франциска Ассизского». Моими кумирами тогда были группы «Кинг кримсон», «Иес», «Дженезис», «Махвишну-оркестра», — все они создали свои собственные грандиозные музыкальные миры. В России рок — текстовый, так и не создавший своей музыкальной концепции. Вообще рок можно рассматривать как одну из крайних точек падения европейской музыкальной культуры, начавшейся после XV—XVI веков.

— Почему именно этих веков?

— До XVI века в Европе создавалась самая совершенная в техническом и духовном смысле музыка, работали такие композиторы, как Генрих Изаак, Обрехт, Окегем, Жоскен де Пре, чей уровень так и не был достигнут впоследствии, — это «пуповина» всей европейской музыки. На Руси в это время мак-

симального расцвета достигли знаменитый путевой и демественный распевы, столь отличные от нынешнего церковного пения. Андрей Тарковский в своем фильме об Андрее Рублеве изобразил XV век как лужу крови, грязи и невежества. А это, напротив, была страна высокой духовной культуры, красота ее мыслилась как отблеск божественной красоты, которая абсолютна и онтологична! А у Тарковского красота рождается из страданий, из борьбы со злом. Это талантливое... заблуждение. Красота не производна от борьбы, ибо она изначально. А после XVI века в культуре шел упадок. Он и сейчас продолжается, к сожалению. В современной музыке духовность заменяется душевностью, это — аффектом. Все ее содержание, выражаясь церковным языком, — «страсти» личные проблемы самих композиторов, которые они навязчиво предлагают пережить слушателям. У старых мастеров были другие задачи, поэтому музыка их была более совершенна.

— Это как-то связано с их религиозностью?

— Безусловно. Только на этой основе можно достичь состояния катариса.

— Ваши произведения на «Альтернативе» звучали рядом с Кейджем, Гривовским... Как вы относитесь к современному музыкальному авангарду?

— Я отношу себя к поставангардистам: минималисты все вышли из «авангарда». Но на фестивале я почти не ходил: там слишком много диссонансов. Я теперь больше пишу для церкви, веду курс истории музыки в духовной академии. К остальной работе, в частности работе в кино, отношусь очень избирательно.

— А как вы выбираете себе фильм?

— Стараясь выбирать фильмы с русской тематикой, поднимающие серьезные нравственные вопросы. Очень теплые воспоминания о работе с режиссером Александром Прошкиным: в свое время он предложил мне писать музыку к фильму «Михайло Ломоносов». Потом мы встретились на «Холодном лете 53-го». Сейчас работаем над фильмом о мученической судьбе Вавилова. Запомнилось сотрудничество с Сергеем Герасимовым на фильме о Петре I. Очевидно, в ближайшее время предстоит работа с Сергеем Бондарчуком: он собирается снимать картину о Екатерине Великой и ее эпохе. Время — интереснейшее: тогда происходило активное вторжение различных западных форм в русскую культуру. Появилась, например, итальянская опера. При Елизавете Петровне придворных сгоняли на оперные спектакли, — они, бедняги, скучали и мучались: языка почти никто не знал и музыкальная форма была для русских неестественна. А сейчас национальные оперы есть в каждой союзной республике, хотя, конечно, это полный абсурд — опера в Бурятии, Киргизии, Таджикистане... Там совершенно другие музыкальные и нравственные традиции! Мне кажется, такая культурная политика — пережиток колониализма. Не нужно каждой культуре развивать ВСЕ известные формы, лучше довести до совершенства свои. Россия тоже страдает от «разбросанности», а между тем, сегодня в Большом театре не набрать полного состава на постановку опер Вагнера или Моцарта: нет голосов. — у нас, когда певица поет, такое впечатление, что у нее поджелудочная железа — главный вокальный орган.

— А что же является совершенно «своим» в русской музыке? И как быть с создателями «русской национальной оперы», с Мусоргским?

— Совершенно «своим» у русских можно считать то, что имеет уже тысячелетнюю традицию, — культовое пение, систему распевов, фольклор. Мусоргский титан, который вломился в западную традицию, разрушил диктат Вагнера, оказал огромное влияние на Равеля, Дебюсси и весь XX век. И все-таки я считаю, что жанр оперы для России не естественен...

— В чем вы видите миссию композитора в наше время и что лично для вас служит нравственным основанием в творчестве?

— Музыка должна направлять людей вспять.

— ?!

— Человечество все дальше уходит от первоначальной истины. В Европе это началось в XII—XIII веке. Композиторы с каждым поколением отдаляются от живительного истока и предпочитают самовыражаться. Сейчас вообще нет определенной концепции роли музыки в обществе. В старину считалось, как следует из святоотеческого учения, что музыка должна «возводить ум на небо». Платон не случайно называл ее «гимнастикой души» и средством воспитания полноценного гражданина. У нас на Шостаковича пытались воспитывать — но ведь это же стенограмма страшной эпохи...

— Вы реконструировали всенощную и литургию по образцам XVII века. Где можно услышать вашу музыку? И была ли она записана на пластинки?

— В 1987 году с Эдуардом Артемьевым мы сделали совместный диск «Метаморфозы». В 1988-м с ансамблем «Бумеранг» записан диск, который называется «Войдите!». Сейчас думаю исполняться в основном на фестивалях церковной музыки. Реконструированную литургию и всенощную до недавнего времени исполнял ансамбль Гринденко (Издательского отдела Московского Патриархата) во время служб в церкви на улице Неждановой. Но сейчас они больше разъезжают... Вообще же диски, концерты — это все довольно грустно. Музыка должна жить в той ситуации, для которой она предназначена: идеальная форма ее существования — в храме. Но, видимо, время такое: во всем двойственность, и мы живем в постоянных компромиссах...

Записала Марина КОПЫЛОВА.